

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: <https://www.researchgate.net/publication/349506406>

'Economic models in the Central–Eastern European countries', in: Transformation of economic models in the countries of the post–socialist world / 'Модели экономики в странах Центра...

Chapter · December 2020

CITATIONS

0

READS

113

3 authors, including:

[Mikhail Lobanov](#)

Russian Academy of Sciences

107 PUBLICATIONS 301 CITATIONS

[SEE PROFILE](#)

Глава 2

МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ В СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫПодходы к анализу моделей капитализма
в странах ЦВЕ

Сравнительный анализ исследований развития капиталистических отношений в рассматриваемых странах позволяет выделить четыре направления. *Первое* из них исходит из универсальности теории разновидностей капитализма. Согласно этому, страны Центрально-Восточной Европы в своем развитии стремятся к «идеальным моделям» ЛРЭ или КРЭ. Следует отметить, что подобные взгляды преобладали в первые годы после выхода в свет статьи П. Холла и Д. Соскиса, но в дальнейшем не получили распространения. В одной из публикаций на основании сравнения Чехии, Венгрии и Польши с другими членами ОЭСР утверждается, что государства ЦВЕ хотя и образуют отдельную группу, по своим характеристикам близки к КРЭ⁵⁸.

Некоторые авторы предпринимали попытки найти среди стран региона типичные примеры ЛРЭ и КРЭ. Так, М. Фельдман и К. Бухен независимо друг от друга проанализировали механизмы координации деятельности фирм

58. *McMenamin I. Varieties of Capitalist Democracy: What Difference Does East-Central Europe Make? // Journal of Public Policy. Vol. 24. No. 3, 2004. P. 259–274.*

в Эстонии и Словении, что позволило им сделать вывод о том, что экономика первой из них относится к ЛРЭ, а второй — к КРЭ⁵⁹. Как и другие последователи бинарной теории разновидностей капитализма, эти авторы сознательно не учитывают ряд внутренних и внешних факторов, влияющих на формирование национальных моделей капиталистических отношений, к примеру, наличие укоренившихся различий в хозяйственно-культурном укладе или последствия внешнеэкономической открытости отдельных стран региона.

Второе направление опирается на гипотезу о возникновении в постсоциалистических странах форм хозяйствования, сочетающих в себе элементы различных экономических систем. Оно связано с более общим представлением о конвергенции моделей капитализма под влиянием процессов глобализации. По мнению ученых, относящихся к так называемым гиперглобалистам, данный процесс выступает неизбежным следствием конвергенции общественных институтов⁶⁰. Наибольшее распространение данное течение получило в 1990-х гг. под влиянием растущего интереса к изучению эволюции мирового хозяйства и глобализации, однако впоследствии тезис о постепенном стирании границ между социально-экономическими моделями стал все чаще ставиться под сомнение. Аналогично, прикладные исследования гибридных форм капитализма в ЦВЕ относятся, как правило, к концу 1990 — началу 2000-х годов. В одном из них утверждается, что результатом перехода стран региона к новой экономической системе стало формирование неустойчивого гибридного капитализма, сочетающего в себе черты неоли-

-
59. *Feldmann M.* Emerging Varieties of Capitalism in Transition Countries: Industrial Relations and Wage Bargaining in Estonia and Slovenia // *Comparative Political Studies*. Vol. 39, 2006. P. 829–854; *Buchen C.* Estonia and Slovenia as Antipodes. In: *Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries*. Lane D., Myant M. (eds.). Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006. P. 65–89.
60. *Streeck W., Thelen K.* Introduction: Institutional Change in Advanced Political Economies. In: *Beyond Continuity*. Streeck W., Thelen K. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 1–39; *Schelkle W.* Collapsing Worlds and Varieties of Welfare Capitalism: In Search of a New Political Economy of Welfare. LEQS Discussion Paper. No. 54, 2012.

беральной (США), социально-ориентированной (Германия) и государственно-ориентированной (Япония) моделей⁶¹.

Третье направление объединяет исследователей, критически относящихся к использованию в компаративном капитализме VoC-подхода и разрабатывающих альтернативные типологии капиталистических отношений. Критерии предлагаемых ими типологий не ограничиваются межстрановыми различиями в функционировании фирм и могут включать учет степени государственного контроля над экономикой, особенностей взаимодействия социальных страт (включая политические элиты), места страны в международном разделении труда (МРТ), уровня внешнеэкономической открытости и связанных с ним изменений в характере контроля над национальной экономикой (например, появление новых стейкхолдеров – ТНК) и др. Примечательно, что такая вариативность системы критериев сочетается с расширением географического охвата анализируемых постсоциалистических стран за счет бывших республик СССР.

Наиболее плодотворным стало *четвертое направление*, рассматривающее развитие теории разновидностей капитализма в направлении увеличения числа моделей в связи с различиями между развитыми капиталистическими странами и странами с формирующимися рынками. Предполагается, что отдельные постсоциалистические страны действительно эволюционируют в классические типы APЭ и KPЭ, но при этом возникает и процесс дивергенции капиталистических отношений, в результате чего формируются альтернативные модели. Данное направление в развитии теории разновидностей капитализма мы предлагаем называть «метаморфизмом VoC-подхода».

К числу первых исследователей метаморфизма VoC-подхода в странах ЦВЕ необходимо отнести румынского экономиста и одного из ведущих экспертов Еврокомиссии

61. Iankova E.A. Eastern European Capitalism in the Making. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Л. Черната. Результатом его эконометрических исследований начала 2000-х годов стало выделение англосаксонской (аналог ЛРЭ: Чехия, Венгрия, Эстония), континентальной (аналог КРЭ: Латвия, Литва) и девелопменталистской моделей (Польша, Словакия), а также «коктейльного капитализма» (Словения, Болгария, Румыния). «Коктейльный капитализм» (cocktail capitalism) сочетает в себе характеристики первых трех моделей, что является не преимуществом, а, наоборот, недостатком — комбинация различных практик хозяйствования снижает степень институциональной комплементарности, необходимой для эффективного функционирования⁶².

Британский социолог Д. Лэйн различает три группы стран: первая характеризуется относительно высоким уровнем экономического развития и степенью участия в МРТ, вторая — крайне низкой интеграцией в мирохозяйственные отношения и смешанным типом рыночных отношений, а третья — активным вмешательством государства в экономику⁶³.

Основной причиной капиталистической дивергенции немецкий политолог Д. Боле и венгерский политэкономист Б. Грешкович (вторая половина 2000 — начало 2010-х годов) считают внутренние и внешние политико-экономические факторы, а не институциональные, как в рамках классического VoC-подхода. Унаследованные характеристики политических систем в переходный период видоизменяются под влиянием решений национальных и международных акторов (например, ТНК или ведомств Евросоюза), в результате чего формируются различные типы капитализма⁶⁴. Некритичную

62. *Cernat L. Institutions and Economic Growth: Which Model of Capitalism for Central and Eastern Europe? // Journal for Institutional Innovation, Development, and Transition. Vol. 6. No. 1, 2002. P. 18–34; Cernat L. The Emerging European Corporate Governance Model: Anglo-Saxon, Continental, or Still the Century of Diversity? // Journal of European Public Policy. Vol. 11. No. 1, 2004. P. 147–166.*

63. *Lane D. Emerging Varieties of Capitalism in Former State Socialist Societies // Competition and Change. Vol. 9. No. 2, 2005. P. 27–47.*

64. На разработку подхода Д. Боле и Б. Грешковича оказал влияние американский ученый К. Поланьи. В своей книге «Великая трансформация» он доказывает, что для формирования рыночного общества в равной степени необходимы капиталистические отношения и сильное государство, а стремление к хозяйственной эффективности должно сопровождаться реали-

адаптацию VoC-подхода к реалиям постсоциалистических стран авторы считают ошибочной: уровень институциональной комплементарности в них низок (из-за незрелости самих институтов капитализма), поэтому она не может выступать определяющим фактором.

Д. Боле и Б. Грешкович выделяют четыре вариации капиталистических отношений в странах ЦВЕ⁶⁵. Прибалтийские государства авторы относят к «неолиберальному капитализму» (neoliberal capitalism): радикальные рыночные реформы (в особенности, в Эстонии) сочетались здесь с нежеланием государства сглаживать нараставшие социальные диспропорции, а бюджетно-налоговая и монетарная политики ориентировались на наиболее либеральные западные образцы. Интеграция этих стран в мировую экономику происходила за счет развития иностранными инвесторами трудоемких низкотехнологичных отраслей.

В странах Вишеградской группы развивается «встроенный (компромиссный) неолиберализм» (embedded neoliberalism), который характеризуется функционированием экспортоориентированных производственных платформ на базе привлекаемых ПИИ, причем очевидная рыночная ориентация сопровождается активной деятельностью государства по поддержке социально незащищенных слоев населения. Необходимо отметить, что предрасположенность к использованию именно этой модели капитализма была выше в Польше и Венгрии, где процессы демократизации начались еще до кризиса социалистической системы. Вместе с тем Д. Боле и Б. Грешкович сомневаются в осознанности выбора политическими элитами на начальном этапе «национального строительства» (например, в Польше) модели ориентации на внешние рынки. Преследуя собственные интересы, ТНК искусственно создавали конкуренцию этих стран

защитой мер социальной защиты (Polanyi K. *The Great Transformation*. New York, Farrar & Rinehart, 1944).

65. *Bohle D., Greskovits B. Capitalist Diversity on Europe's Periphery*. Ithaca: Cornell University Press, 2012.

за инвестиции и не считали необходимым способствовать модернизации местных экономик. Кроме того, авторы полагают, что наднациональные органы управления ЕС, акционеры ТНК и другие внешние акторы и ныне подрывают стабильность институтов встроеного неолиберализма.

Особенности развития Словении позволили Д. Боле и Б. Грешковичу выделить ее экономику в отдельный тип капитализма – «неокопоратизм» (neocorporatism), для которого характерны активная роль государства и развитые институты рынка труда. Реформы были предметом широкого общественно-политического диалога и проводились постепенно, а внешние акторы не заняли командных высот в экономике. Распространение патрон-клиентских отношений в странах Юго-Восточной Европы (ЮВЕ), которые авторы именуют «слабыми государствами» (weak states), напротив, сопровождалось перераспределением рычагов управления в пользу иностранных инвесторов. Интересно, что в одной из работ исследователи делают нетривиальный вывод о характере институционального строительства в России, Казахстане и Азербайджане: по их мнению, несмотря на более высокий уровень государственного вмешательства, указанные страны в 1990-е годы были близки к прибалтийскому неолиберализму, поскольку безапелляционно придерживались рецептов либеральных реформ, предлагавшихся международными организациями, и не считались с их социальными последствиями⁶⁶.

В. Куокстис же полагает, что ни одна из трех республик не относится ни к ЛРЭ, ни к гибриднему типу. Он их рассматривает как особый тип «балтийского капитализма», или «гибкий рынок», успешно приспосабливающегося к изменяющимся внешним условиям развития, что, среди прочего, позволило избежать негативных последствий глобального экономического кризиса⁶⁷. Однако прерогатива формирующегося «балтийского капитализма» по использованию таких

66. *Boble D., Greskovits B.* Capitalist diversity in Eastern Europe // *Economic sociology_the european electronic newsletter*. Vol. 8. No. 2, 2007. P. 3–9.

67. *Kuokstis V.* What type of capitalism do the Baltic countries belong to? // *Emecon*. Vol. 1, 2011.

сравнительных преимуществ, как гибкость и быстрая адаптация, вызывает сомнения, равно как и его возможность противостоять внешним шокам. Способностью эволюционировать и приспосабливаться, очевидно, характеризуются и зрелые капиталистические институты в ЛРЭ и КРЭ – в противном случае сложно объяснить их исторический успех.

Среди работ об альтернативных ЛРЭ- и КРЭ-моделях капитализма, вызвавших наибольший резонанс в научном сообществе, необходимо выделить совместное исследование двух политологов – А. Нелке (Франкфуртский университет) и А. Флигентхарта (Амстердамский свободный университет). В статье, опубликованной в 2009 г., они задаются вопросом о применимости положений бинарной теории разновидностей капитализма к странам Вишеградской группы (Венгрия, Польша, Словакия и Чехия)⁶⁸. По мнению ученых, дихотомия VoC-подхода ограничивает возможности анализа государств с развивающимися рынками. Указывая на высокую вовлеченность данных стран в международное разделение труда и активное участие зарубежных ТНК в формировании институциональной среды, авторы предлагают относить их к третьей разновидности капитализма – зависимым рыночным экономикам (*dependent market economies*)⁶⁹.

О сущности модели зависимой рыночной экономики и ее реализации в странах ЦВЕ

В отличие от либеральной рыночной экономики, где в качестве центрального механизма координации выступают конкурентные рынки и контракты, и в отличие от координированной рыночной экономики, где эту роль выполняют внутри- и межфирменные сети и ассоциации, в случае зависимой

68. Nölke A., Vliegenthart A. Enlarging the varieties of capitalism: The emergence of dependent market economies in East Central Europe // *World politics*. No. 61 (4), 2009. P. 670–702.

69. А. Нелке и А. Флигентхарт сознательно заимствуют данное понятие из работ социолога Л. Кинга (*King L. Central European Capitalism in Comparative Perspective*. In: *Beyond Varieties of Capitalism: Conflict, Contradictions, and Complementarities in the European Economy*. Hancké B., Rhodes M., Thatcher M. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 307– 327).

рыночной экономики (ЗРЭ) центральным механизмом координации являются иерархии в рамках ТНК. Основной чертой стран с данным типом капитализма является фундаментальная зависимость экономического развития от решений ТНК об инвестициях в их экономику. Такой структурный элемент капиталистической экономики, как корпоративное управление, в случае зависимого капитализма реализуется штаб-квартирами ТНК. При этом как центральный институт модели он полностью комплементарен с другими ее элементами.

Концепция зависимого развития мирохозяйственной периферии получила распространение в 1960–1970-е годы, а с 1990-х годов появились различные варианты ее адаптации к странам с переходной экономикой, открывшим свои рынки иностранному капиталу. В одной из первых работ на данную тему Л. Кинг сравнивает общественно-политические институты России и Польши, а также определяющие характеристики предпринимательской среды, и приходит к выводу о том, что к началу 2000-х годов ни в одной из стран не сформировался капитализм «западного толка»⁷⁰. В России, по мнению автора, в результате перехода возник неэффективный в долгосрочной перспективе «клановый капитализм» (*patrimonial capitalism*), тогда как в Польше – относительно конкурентоспособная форма капитализма, зависящая от регулярного импорта капитала посредством ТНК.

В дальнейших работах Кинг развивает эту идею: страны ЦВЕ опираются на зарубежных инвесторов с целью повышения изначально низкого образовательного (профессиональные навыки занятых) и технологического потенциала, а становление в них капитализма следует рассматривать сквозь призму их участия в МРТ. Однако инвесторы не заинтересованы брать на себя роль государства в развитии системы образования и профессионального обучения и, кроме того, стремятся ограничить права и без того слабых профсоюзов на улучшение

70. King L. Postcommunist Divergence: A Comparative Analysis of the Transition to Capitalism in Poland and Russia // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 37. No. 3, 2002. P. 3–34.

условий труда занятых. Признавая факт экономической зависимости государств региона от решений ТНК и иностранных банков, но при этом, полагая либеральными их политические системы, автор вводит несколько громоздкое понятие «либеральный зависимый посткоммунистический капитализм» (*liberal dependent post-communist capitalism*). В большинстве остальных посткоммунистических стран государственную систему разрушают патрон-клиентские отношения, что позволяет вести речь о «клановом посткоммунистическом капитализме» (*patrimonial post-communist capitalism*)⁷¹. Таким образом, сравнительные преимущества стран ЦВЕ связаны со способностью привлекать ПИИ и ограждать бюрократические структуры от распространения коррупции.

Привлечение иностранных инвестиций является для зависимых рыночных экономик (ЗРЭ) основным фактором роста, в результате чего с течением времени на их развитие все в большей степени начинают оказывать влияние зарубежные ТНК. Конкурентные преимущества стран ЦВЕ складываются благодаря эффекту комплементарности институтов, в числе которых квалифицированная и сравнительно дешевая рабочая сила, внутрифирменная диффузия инноваций и обеспечение потребностей экономики в капитале за счет ПИИ. Выстраивание институтов для достижения собственных целей не составляет большой проблемы для ТНК, поскольку этот процесс начался в условиях институциональной лакуны после распада социалистической системы. Адаптация же норм и практик, характерных для ЛРЭ и КРЭ, с высокой вероятностью окажется неэффективной.

По мнению А. Нелке и А. Флигентхарта, основным механизмом координации в ЗРЭ выступают внутренние иерархические связи ТНК. Приход иностранных инвесторов повлиял на систему корпоративного управления в ЦВЕ: в частности, вместо совместного принятия стратегических решений топ-

71. King L. Central European Capitalism in Comparative Perspective. In: *Beyond Varieties of Capitalism: Conflict, Contradictions, and Complementarities in the European Economy*; Hancké B., Rhodes M., Thatcher M. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 307– 327.

менеджерами и акционерами в странах региона менеджмент дочерних предприятий ТНК координирует свои действия с деятельностью зарубежных штаб-квартир. В отличие от ЛРЭ и КРЭ, где основным источником финансирования экономики выступают фондовый рынок и банковское кредитование соответственно, в ЗРЭ ключевую роль играет привлечение ПИИ, в результате чего относящиеся к ним страны становятся нетто-импортерами капитала. Иностраный капитал доминирует во всех основных отраслях международной производственной специализации данных стран, а ввиду высокого уровня его проникновения в финансовый сектор кредитная политика местных банков также определяется ТНК других стран.

Влияние на трудовые отношения общественных институтов, которые на Западе регулируются на отраслевом или национальном уровнях, является ограниченным, а договоренности между работодателями и работниками носят внутрифирменный характер. В связи с этим ТНК не заинтересованы в упорядочивании отношений на рынке труда, поддерживая низкую стоимость рабочей силы и ограничивая возможности занятых объединяться с целью влияния на условия труда⁷². Относительно дешевая и квалифицированная рабочая сила предопределила развитие в ЦВЕ экспортноориентированных сборочных производств, преимущественно в среднетехнологичных трудоемких отраслях. Благодаря ТНК они встроены в трансграничные цепочки добавленной стоимости, усиливая позиции данного региона как одной из «глобальных сборочных платформ»⁷³.

72. Вместе с тем ТНК стараются не переусердствовать в ограничении роли профсоюзов: забастовки на местных предприятиях, встроенных в глобальные цепочки добавленной стоимости, могут оказать негативный эффект на другие компании – участницы производственного цикла (подр. см.: *Greskovits B. Leading sectors and the variety of capitalism in Eastern Europe. In: State and society in post-socialist economies. Pickles J. (Ed.). London, Palgrave Macmillan, 2008. P. 19–46.*

73. *Pickles J., Smith A., et al. Upgrading, changing competitive pressures, and diverse practices in the East and Central European apparel industry // Environment and Planning A: Economy and Space. Vol. 38. No. 12, 2006. P. 2305–2324.*

А. Нелке и А. Флигентхарт указывают, что государственные стандарты профессионального обучения скорректированы под потребности ТНК, при этом расходы самих компаний на подготовку кадров минимальны. Учитывая факт дефицита бюджетных средств для должного финансирования системы образования и науки в странах ЦВЕ, такое унаследованное от социализма конкурентное преимущество, как квалифицированная рабочая сила, постепенно сходит на нет. В отличие от ЛРЭ и КРЭ собственные НИОКР носят здесь в основном имитационный характер, а ключевые инновации имеют зарубежное происхождение и инкорпорируются ТНК в локальные производственные системы.

Примечательно, что авторы сомневаются не только в перспективах сохранения ЗРЭ своих конкурентных преимуществ, к обладанию которыми стремятся другие постсоциалистические страны, но и в целом в жизнеспособности данного типа капитализма. В то же время они не видят предпосылок для дальнейшей трансформации ЗРЭ в ЛРЭ, как это произошло, например, с Ирландией. Что касается распространения этой разновидности капиталистических отношений на постсоветском пространстве, то А. Нелке и А. Флигентхарт, соглашаясь с аргументацией Л. Кинга, считают такой сценарий маловероятным: в странах с развивающимися рынками (в том числе и в среднеазиатских) формируется «клановый капитализм» с присущими ему патрон-клиентскими отношениями и внутриэлитным противостоянием за обладание ресурсами.

Чешские экономисты Я. Драгокупил и М. Мянт, представляющие Европейский институт профсоюзов (г. Брюссель), проанализировали капиталистические отношения в постсоциалистических странах, акцентируя внимание на различных формах их интеграции в мировую экономику⁷⁴. Не противопоставляя свою методологию VoC-подходу, они тем не менее выделяют пять условных разновидностей капитализма

74. *Drabokoupil J., Myant M. Putting comparative capitalisms research in its place: varieties of capitalism in transition economies. In: New Directions in Comparative Capitalisms Research; Ebenau M., Bruff I., May C. (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 155–171.*

и используют совершенно иные критерии, связывая типы капитализма с преобладанием той или иной формы международной интеграции⁷⁵.

Считая понятие «зависимые рыночные экономики» не отражающим реальное положение дел, они объединяют страны ЦВЕ как «рыночные экономики, базирующиеся на ПИИ» (FDI-based market economies): их интеграция с развитыми государствами ЕС обусловлена экспортом контролируемых ТНК предприятий, а отношения государства и бизнеса строятся на принципе невмешательства. Наличие демократических политических систем и экспорт низкотехнологичных трудоемких товаров (в том числе в рамках субконтрактинга) характерны для «периферийных рыночных экономик» (peripheral market economies), к которым авторы относят существенно различающиеся группы стран — государства ЮВЕ и Прибалтики.

Для стран, развивающихся по модели ЗРЭ, характерен ряд особенностей. *Первая*, наиболее очевидная связь существует между корпоративным управлением и основными источниками инвестиций. Все страны ЦВЕ, кроме Словении, уже в 1990-х гг. обогнали ЕС по объему притока ПИИ относительно ВВП. Предприятия под иностранным контролем обеспечивают в них, по данным Евростата, в среднем более 1/5 занятости и создают свыше 1/3 валовой добавленной стоимости в нефинансовом частном секторе. В силу отсутствия у правительств возможности проводить селективную ПИИ-политику (противоречащую правилам ЕС) подавляющая часть ПИИ в странах ЦВЕ пришлось не на совместные предприятия, а на филиалы ТНК, которые контролируются и финансируются

75. Я. Драгокупил и М. Мянц выделяют четыре формы интеграции за счет встраивания в производственные сети (созданные с участием ПИИ и без них экспортноориентированные сложные производства, технологически несложные субконтрактные производства, выпуск полуфабрикатов) и две формы финансовой интеграции (как результат трансграничного движения капитала и переводов из-за рубежа). Однако для типологии использовался весьма ограниченный набор индикаторов за один год (все — по отношению к ВВП, в %): объем выпуска сложной продукции, топлива, товаров легкой промышленности, потребительских товаров, а также ПИИ и денежных переводов.

из штаб-квартир⁷⁶. Филиалы не пренебрегают и международным рынком капиталов, а также кредитами местных банков (большинство которых в странах ЦВЕ являются дочками иностранных финансовых институтов), однако основным источником финансирования остаются ПИИ.

Вторая особенность отражает тесную взаимосвязь между институтами корпоративного управления, источниками инвестиций и системой отношений между трудом и капиталом. Учитывая жесткую международную конкуренцию за ПИИ, правительства принимающих стран вынуждены идти на создание максимально привлекательной среды для иностранных инвесторов⁷⁷, и ТНК оказываются в исключительно благоприятных условиях для выстраивания особых отношений между трудом и капиталом. С одной стороны, ТНК заинтересованы в том, чтобы работники филиалов были удовлетворены своим положением, поскольку филиалы объединены в производственные цепи и недовольство работников в каких-то звеньях может негативно сказаться на производственном результате в целом. С другой стороны, ТНК нуждаются в низких затратах на труд и, следовательно, для них неприемлемо наличие в странах своей экспансии таких институтов, как всеобъемлющие коллективные соглашения, а также ограничения свободы работодателей в вопросах найма и увольнения работников⁷⁸. При этом позиции трудовых коллективов филиалов ТНК, профсоюзов и гражданского общества в странах зависимого капитализма не настолько сильны, чтобы они могли требовать заключения генеральных соглашений по вопросам труда в рамках страны. В результате

76. Hall P., Gingerich D. Varieties of Capitalism and Institutional Complementarities in the Macroeconomy An Empirical Analysis. Discussion Paper. Max Planck Institute for the Study of Societies. Cologne. 2004. May; Hopner M. What Connects Industrial Relations and Corporate Governance? Explaining Institutional Complementarity // Socio-Economic Review. 2005. No. 2. May. P. 331–358.

77. Глинкина С.П., Куликова Н.В. Заимствование рыночных институтов развитых стран: опыт Центрально-Восточной Европы // Современная Европа. 2015. № 4. С. 109.

78. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Сеницина И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. М: Институт экономики РАН, 2014. С. 30.

доминируют селективные соглашения на уровне компаний, что соответствует интересам ТНК⁷⁹.

Третья обусловлена зависимостью, возникающей между институтами корпоративного управления, источниками инвестиций и механизмами развития инноваций. ТНК предпочитают оставлять инновационные виды деятельности в странах своего базирования, либо приобретать инновации в странах либеральной рыночной экономики, либо создавать их на совместных предприятиях с производителями стран координируемой рыночной экономики. Зависимые рыночные экономики используются в основном для размещения сборочных производств или производств несложных, полустандартизированных промышленных товаров. В связи с этим у ТНК нет необходимости тратить большие средства на научно-исследовательскую деятельность в странах зависимого рыночного капитализма, как это происходит в либеральных рыночных экономиках, или осуществлять характерную для координируемых рыночных экономик профессиональную подготовку кадров, формирующую специфические знания и навыки⁸⁰. Кроме того, ТНК осуществляют трансфер технологий в свои филиалы в странах с зависимой рыночной экономикой без каких-либо рисков их дальнейшего распространения (утечки), которые возникают, например, в случае создания совместных предприятий⁸¹.

Описанная комплементарность институтов обеспечивает странам зависимого капитализма специфические сравнительные преимущества, которые базируются не на радикальных технологических инновациях, характерных для стран либерального рыночного капитализма, и не на постоянных и постепенных инновациях в организации труда и совершенствовании средств производства, свойственных коор-

79. Глинкина С.П. Итоги трансформации, или К вопросу о разнообразии моделей капитализма. Серия «Доклады МАОН». М., 2016.

80. Ibid.

81. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. М.: Институт экономики РАН, 2014. С. 39–41.

динируемой рыночной экономике, а являются следствием комбинации низких затрат на труд и достаточно высоких профессиональных навыков рабочей силы. Такая комбинация делает страны зависимого капитализма привлекательными для организации транснациональными корпорациями на их территории производств со средним уровнем технологий, которые остаются под контролем корпоративных иерархий. Наиболее инновативные части производственных цепочек ТНК оставляют в странах своего базирования.

Европейская интеграция как фактор формирования зависимой модели экономики в ЦВЕ

В регионе Центрально-Восточной Европы особые общественно-экономические модели сосуществовали и на этапе его социалистического развития. В этой связи следует упомянуть венгерский социализм конца 1960–1980-х годов или югославский самоуправленческий социализм, для экономических моделей которых было характерным творческое соединение плана и рынка, а для общественного развития — демократизация практически всех сфер жизни. По идеологическим соображениям в СССР в те годы этот интересный в теоретическом и практическом плане опыт либо замалчивался, либо объявлялся проявлением ревизионизма. Многими исследователями периода рыночных реформ упускаются из вида принципиальные особенности развития стран ЦВЕ, которые позволяют говорить о сложившейся в них особой модели капитализма.

Специфику формировавшейся в 1990-е годы в регионе модели капитализма предопределила цель вступления в Европейский союз, поставленная странами ЦВЕ после свершившихся на рубеже 1980-х и 1990-х годов «бархатных революций». В конкретных исторических условиях (крушение мировой социалистической системы и распад ее ядра — Советского Союза, который в течение многих лет выступал ключевым политическим союзником и главным торгово-экономическим партнером стран региона) этот выбор был

практически неизбежным. С членством в ЕС страны ЦВЕ связывали надежды на модернизацию экономики, ускорение экономического роста и, в конечном счете, на ликвидацию отставания от Западной Европы по уровню благосостояния и качеству жизни. Достичь этого предполагалось посредством экономической интеграции с западноевропейскими странами и при финансовой поддержке из фондов ЕС.

Курс стран ЦВЕ на евроинтеграцию полностью отвечал геостратегическим целям ЕС. Однако в качестве условия включения этих стран в свой состав ЕС выдвинул приведение их политических, экономических и правовых систем в соответствие со своими нормами и правилами. Это условие было официально оформлено на заседании Европейского совета в Копенгагене в июне 1993 г., где одновременно с принятием политического решения о возможности приема стран ЦВЕ в ЕС были установлены критерии готовности стран-претендентов к членству. Эти условия, получившие название «Копенгагенские критерии», требовали наличия в странах, во-первых, стабильных институтов, гарантирующих демократию, верховенство закона, соблюдение прав человека, уважение и защиту меньшинств; во-вторых, функционирующей рыночной экономики, а также способности справляться с конкурентным давлением и рыночными силами в рамках союза; в-третьих, способности принять на себя все обязательства, связанные с членством в ЕС, включая приверженность целям политического, экономического и валютного союза. Соответствие этим требованиям предполагало имплементацию в национальное законодательство и эффективное исполнение странами-кандидатами т.н. *acquis communautaire* — совокупности наработанных за всю историю европейской интеграции положений, принципов, политических целей и юридических норм, зафиксированных в договорах ЕС и других его документах.

Для подготовки стран ЦВЕ к началу переговоров о приеме в ЕС его руководящие органы разрабатывали программы, регламентировавшие содержание и сроки конкретных

реформ, оказывали финансовую поддержку в их проведении и осуществляли жесткий контроль над процессом реформирования с применением мер принуждения. В ходе переговорного процесса, официально открытого в конце 1990 – начале 2000-х годов⁸² и проходившего исключительно на двусторонней основе, проводился анализ соответствия конкретных стран копенгагенским критериям и их прогресса в сближении национального законодательства с законодательством ЕС. Полное выполнение политических критериев соответствия статусу члена Евросоюза выдвигалось в качестве обязательного условия принятия той или иной страны. В отношении экономических критериев был применен иной подход: наличие рыночной экономики страны должны были обеспечить до вступления в ЕС, тогда как способность противостоять конкурентному давлению на едином европейском рынке могла формироваться и позже, уже во время членства в союзе.

Переговоры велись отдельно по каждому из трех с лишним десятков разделов правовых норм ЕС (*acquis*) – от свободного передвижения товаров, предоставления услуг (включая финансовые), движения капитала и передвижения людей до акционерного права, политики в области конкуренции, сельскохозяйственной, промышленной, энергетической и транспортной политики, экономической и денежно-кредитной политики, социальной политики, политики в области науки, образования и культуры, информационной политики, сотрудничества в области юстиции и внутренних дел, политики защиты окружающей среды, ветеринарных и фитосанитарных норм, региональной политики, а также политики внешних связей, общей внешней политики и политики безопасности. Содержание переговорных разделов не подлежало обсуждению, интеграционное ядро диктовало свои правила и требовало их неукоснительного соблюдения. В отдельных случаях вступающим странам были лишь даны отсрочки от

82. Переговоры о приеме в ЕС были официально открыты с Венгрией, Польшей, Чехией, Словенией и Эстонией в 1998 г., со Словакией, Латвией, Литвой, Болгарией и Румынией в 2000 г., с Хорватией в 2005 г.

применения наиболее проблемных для них норм ЕС. Также были установлены временные исключения для Евросоюза в вопросе распространения на новых членов общих правил, в частности, в области свободного передвижения людей и поддержки сельского хозяйства⁸³.

В итоге переход от тоталитарного политического режима к демократии и от централизованно управляемой плановой экономики к рыночной был совершен в странах ЦВЕ путем переноса на национальную почву в полном объеме институтов демократии и либеральной рыночной экономики, существующих в ЕС.

Институциональная адаптация, которую осуществили страны ЦВЕ, выполняя условия присоединения к ЕС, привела их демократические, экономические, правовые институты и институты гражданского общества в соответствие с более высокими европейскими стандартами. В некоторых эмпирических исследованиях обнаруживаются свидетельства того, что совершенствование институтов дает мультипликативный эффект: умелое управление, власть закона, политическая стабильность и низкий уровень коррупции приносят долгосрочные дивиденды в плане экономического роста и таким образом косвенно влияют на качество жизни граждан⁸⁴. Однако этот эффект институциональных реформ столь мал, что с трудом поддается статистическому измерению.

Вместе с тем, очевидно, что существовавшая в ЕС нормативная база далеко не во всех отношениях была оптимальной для стран ЦВЕ, значительно уступающих западноевропей-

83. Куликова Н.В., Синицина И.С. Национальные и наднациональные компетенции в процессе расширения Европейского союза на восток // Опыт наднационального регулирования в региональных интеграционных группировках / Отв. ред. С.П. Глинкина. М.: Институт экономики РАН, 2015.

84. См., например: *Hall R.E., Jones C.I.* Why Do Some Countries Produce So Much More Output per Worker than Others? // *Quarterly Journal of Economics*. 1999. Vol. 114. No. 1. P. 83–116; *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A.* Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth // *NBER Working Paper*. No. 10481. 2004; *Eichler T.S., Schreiber T.* Structural policies and growth: Time series evidence from a natural experiment // *Journal of Development Economics*. 2010. No. 91. P. 169–179.

ским странам по уровню развития. Принятие и имплементация правовых норм ЕС порой оборачивались для этих стран источником серьезных структурных, экономических и социальных проблем. Так, хозяйствующие субъекты новых стран – членов понесли ущерб из-за открытия процедуры размещения государственных заказов для фирм из стран Евросоюза. Серьезными потерями обернулся перевод систем стандартизации на европейские нормы, который производился в рамках экологических, санитарных и коммуникационных программ ЕС. Страны ЦВЕ были вынуждены под давлением Евросоюза закрыть энергетические программы, базировавшиеся на использовании атомных электростанций советского производства. Многие предприятия пищевой отрасли, особенно по переработке животноводческой продукции, пришлось закрыть ввиду несоответствия европейским санитарно-гигиеническим нормам⁸⁵. Прекратили работу промышленные предприятия, нарушавшие принятые в ЕС нормы выбросов в атмосферу. Немалых затрат потребовала замена авиапарка, городского автопарка, военной техники и др. Под давлением Европейской комиссии страны ЦВЕ были вынуждены пересматривать условия приватизации и предпринимательской деятельности для иностранцев (в частности, при покупке земли и вывозе капиталов), зачастую во вред национальной экономике.

Несмотря на проделанную ныне принятыми в ЕС странами ЦВЕ работу по адаптации европейских правовых норм, в рамках Евросоюза пока так и не удалось создать однородное институциональное пространство. Используемые в мировой практике индексы, в частности рассчитываемый Всемирным банком в ежегодном исследовании «Ведение бизнеса» показатель удаленности от передового рубежа, свидетельствуют о сохраняющемся значительном отставании новых членов ЕС от более развитых его стран по качеству институцио-

85. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. М: Институт экономики РАН, 2014. С. 15–16.

нальной среды. Особенно велико это отставание по показателям налогообложения, обеспечения выполнения контрактов, разрешения проблем неплатежеспособности, защиты миноритарных акционеров. Не лучшим образом обстоит дело и с неформальными институтами. Согласно индексу восприятия коррупции, который ежегодно рассчитывается для различных стран мира международной организацией Transparency International, ее уровень остается в странах ЦВЕ значительно выше, чем в Западной Европе. Самые серьезные проблемы с коррупцией испытывают Румыния, Болгария и Словакия. Присутствие в этой тройке Словакии — страны с развитой демократией, высокой открытостью экономики, сравнительно высоким в последние полтора десятилетия экономическим ростом и достойным на фоне других стран ЦВЕ душевым объемом ВВП — дает повод сомневаться в верности утверждений о том, что уровень коррупции снижается по мере преодоления бедности, увеличения открытости экономики и повышения зрелости демократических институтов⁸⁶.

Таким образом, результаты институциональных реформ в странах ЦВЕ оказались далекими от ожидаемых, несмотря на то что программы этих реформ разрабатывались руководящими органами ЕС, и для их реализации Евросоюз оказывал техническую и финансовую помощь. Проведенные преобразования не обеспечили появления в странах ЦВЕ либерального рыночного капитализма, модель которого они пытались скопировать. Не могло здесь возникнуть и координируемого рыночного капитализма в силу захвата экономики иностранными, в основном западноевропейскими, компаниями после снятия, в соответствии с правилами ЕС, всех ограничений на их деятельность на территории стран ЦВЕ. Неокрепший к моменту их вступления в ЕС национальный сектор экономики оказался не в состоянии противостоять наплыву иностранных товаров и натиску иностранного капитала.

86. Глинкина С., Куликова Н. Евроинтеграционная модель постсоциалистической трансформации стран Центрально-Восточной Европы и их экономическая динамика // Российский экономический журнал. 2016. № 4. С. 39–40.

Особенности развития стран ЦВЕ в рамках модели зависимой рыночной экономики

Результаты развития стран ЦВЕ в рамках модели зависимой рыночной экономики неоднозначны. С одной стороны, обильный приток иностранного капитала, наблюдавшийся до начала мирового финансового кризиса, способствовал экономическому росту. ПИИ повысили общую факторную производительность, конкурентоспособность и экспортную ориентированность производства, а кредитная экспансия дочек иностранных банков поддерживала экономический рост, разогревая внутренний спрос, особенно потребительский. В результате страны ЦВЕ с начала 2000-х годов вошли в число наиболее динамично развивавшихся стран мира (табл. 1).

Таблица 1. Динамика ВВП стран ЦВЕ в 2000–2020 гг.

Страны	Темпы прироста реального ВВП по отношению к предыдущему г., %				
	2000–2008, в среднем в год	2009	2010–2013, в среднем в год	2014–2019, в среднем в год	2020, оценка МВФ
Болгария	6,0	–3,6	1,0	3,5	–4,0
Венгрия	3,4	–6,6	0,7	4,0	–3,1
Польша	4,1	2,8	2,9	4,2	–4,6
Румыния	6,1	–5,9	1,0	4,9	–5,0
Словакия	5,7	–5,4	2,8	3,2	–6,2
Словения	4,2	–7,8	–0,5	3,5	–8,0
Хорватия	4,2	–7,3	–1,2	2,9	–9,0
Чехия	4,3	–4,8	0,7	3,4	–6,5
Для сравнения					
Германия	1,6	–5,6	2,2	1,8	–7,0
Евросоюза*	2,0	–4,5	0,7	2,0	–7,5
ЕС15**	2,1	–4,4	0,8	1,9	
ЕС28	2,4	–4,2	1,0	2,1	–7,1
Мир	4,3	–0,1	4,2	2,9	–3,0

* В нынешнем составе из 19 стран.

** 15 стран, входивших в ЕС до расширения на Восток в 2004 г.

Источники: IMF. World Economic Outlook Database. www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx; UNCTADstat; unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx.

С другой стороны, в экономике большинства стран возникли крупные внешние и внутренние дисбалансы, приведшие к долговым проблемам. Разросся финансовый сектор и сектор недвижимости в ущерб традиционным видам хозяйственной деятельности. Не вызвавшие интереса иностранных инвесторов производства пришли в упадок. Впечатляющий рост экспорта был обеспечен в основном внутрифирменным обменом в рамках цепей поставок ТНК при слабом увеличении поставок на внешние рынки отечественной продукции. Внешняя торговля почти полностью замкнулась на рынок ЕС (на него стало приходиться около 80% всего экспорта стран ЦВЕ), что сделало экономику глубоко зависимой от его конъюнктуры.

Несмотря на имплементацию всех институциональных норм ЕС, у стран ЦВЕ не возникло сравнительных преимуществ, присущих странам с либеральной рыночной экономикой и базирующихся на радикальных технологических инновациях. Сравнительные преимущества стран ЦВЕ остались ограничены относительно низкими затратами на труд при достаточно квалифицированной рабочей силе и использовались иностранными инвесторами преимущественно для размещения здесь производств среднего технологического уровня. При этом трансфер технологий на предприятия, создаваемые в основном в форме филиалов ТНК, осуществлялся без каких-либо рисков утечки за их пределы, которые обычно возникают в случае создания совместных предприятий. В результате экономика распалась на два сектора: «национальный» — технологически отсталый и низко рентабельный и «иностранный» — более эффективный и конкурентоспособный, но готовый в любой момент перебазироваться в другие страны в случае появления там более благоприятных условий⁸⁷.

После снятия в соответствии с правилами ЕС всех ограничений на деятельность западноевропейских компаний

87. Глинкина С.П., Куликова Н.В. О модели капитализма в Центрально-Восточной Европе // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 3. С. 9–24.

и банков на своей территории страны ЦВЕ не смогли противостоять захвату неокрепших национальных экономик иностранным капиталом. Более того, ему способствовала и экономическая политика правительств, стремившихся привлечь как можно больше иностранных инвестиций с помощью предоставления налоговых льгот и других привилегий инвесторам.

По данным Евростата, доля предприятий под иностранным контролем в создании валовой добавленной стоимости в коммерческом нефинансовом секторе экономики в 2015 г. варьировала в странах Вишеградской четверки и Румынии, привлечших основную часть ПИИ в регионе, от 35 до 52%, а доля в численности занятых — от 26 до 29%, что значительно превышает показатели подавляющего большинства других стран ЕС (рис. 1); некоторые из отраслей полностью оказались в руках иностранных компаний. Аналогичные процессы проходили в финансовом секторе: иностранные банковские структуры стали контролировать около 80% банковских активов в регионе. В такой ситуации основной чертой экономики стран ЦВЕ стала фундаментальная зависимость ее развития от инвестиционных решений ТНК и кредитной политики иностранных банков.

Резкое сокращение притока иностранного капитала и падение спроса на внешних рынках с началом мирового финансового кризиса ввергли страны ЦВЕ (за исключением Польши) в глубокую экономическую рецессию, за которой последовала затяжная сложная ситуация в экономике, во многом связанная с кризисом суверенных долгов и очередным снижением деловой активности в еврозоне⁸⁸. В 2010–2013 гг. в Хорватии продолжалась экономическая рецессия, в Венгрии, Румынии, Словении и Чехии кратковременные оживления в экономике сменялись повторными спадами, экономика Болгарии постоянно находилась в стагнации,

88. Центральная и Восточная Европа: последствия долгового кризиса в еврозоне / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2014.

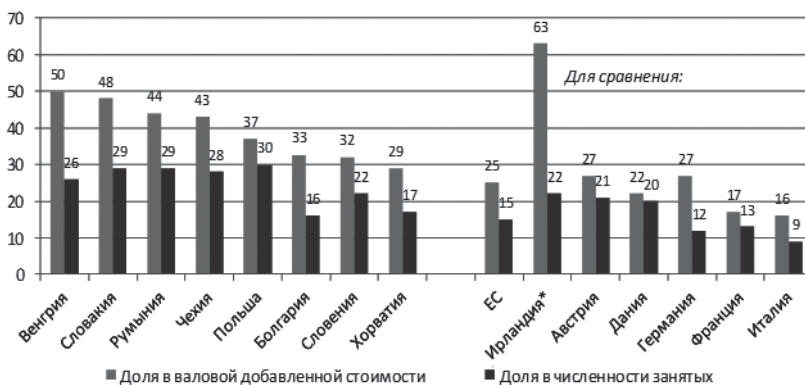

Рис. 1. Доля предприятий под иностранным контролем в валовой добавленной стоимости и общей численности занятых в коммерческом нефинансовом секторе экономики в странах ЦВЕ и некоторых странах ЕС-15 в 2017 г., %

* Страна ЕС с самой большой долей иностранных филиалов в ВДС.

Источник: Eurostat. appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=egi_va1&lang=en; appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=egi_em1&lang=en.

в такое же состояние, после начавшегося было достаточно быстрого восстановления в 2010–2011 гг., пришла экономика Польши и Словакии, в которых темпы годового прироста ВВП в 2012–2013 гг. составляли лишь от 1,4 до 1,7%.

После пяти лет спадов и застоя экономика Центрально-Восточной Европы вошла наконец в фазу циклического подъема (см. табл. 1). Средние годовые темпы прироста ВВП стран региона в 2014–2017 гг. составили 3,4%, превысив в 1,7 раза показатель ЕС15. Ускорение экономического роста проходило на фоне кардинальных изменений в его источниках. Основным из них стало служить потребление домашних хозяйств, объем которого в 2017 г. увеличился в странах ЦВЕ в среднем на 15,6% по сравнению с 2013 г. Такое увеличение стало следствием значительного, даже ниже докризисных минимумов, сокращения безработицы (табл. 2), внушительного, существенно опережающего инфляцию, повышения заработной платы — в среднем

на 22,5% за 2014–2017 гг. в расчете на 1 час рабочего времени (рис. 2), а также оживления кредитования населения по мере оздоровления финансовых балансов банков и укрепления уверенности заемщиков. В некоторых странах, например, в Польше, росту частного потребления способствовало также увеличение социальных выплат.

Таблица 2. Уровень безработицы в странах ЦВЕ в 2008–2019 гг.

Страны	Безработные, % от экономически активного населения				
	2008	Макс. значение (год)	2017	2018	2019
Болгария	5,6	13,0 (2013)	6,2	5,2	4,2
Венгрия	7,8	11,2 (2010)	4,2	3,7	3,4
Польша	7,1	10,3 (2013)	4,9	3,9	3,3
Румыния	5,6	7,2 (2011)	4,9	4,2	3,9
Словакия	9,6	14,5 (2010)	8,1	6,5	5,8
Словения	4,4	10,1 (2013)	6,6	5,1	4,5
Хорватия	8,6	17,3 (2013)	11,2	8,5	6,6
Чехия	4,4	7,3 (2010)	2,9	2,2	2,0
Для сравнения					
ЕС	7,0	10,8 (2013)	7,6	6,8	6,3

Источник: Eurostat. ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tps00203.

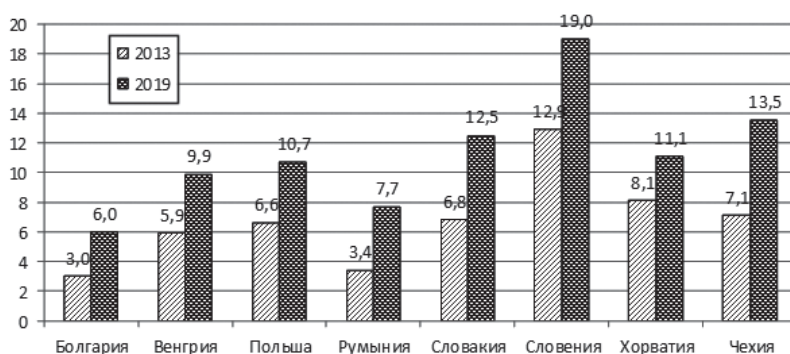

Рис. 2. Средняя заработная плата в расчете на 1 час рабочего времени в 2013 и 2019 г., евро

Источник: Eurostat. ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tps00173.

Вклад валовых капиталовложений в рост ВВП до недавнего времени оставался слабым, а в некоторых странах даже отрицательным, в основном по причине уменьшения государственных инвестиций из-за задержки в использовании средств фондов ЕС на старте нового бюджетного периода 2014–2020 гг. Лишь с 2017 г. деловая активность стала поддерживаться ростом не только потребления (хотя этот фактор остался главным), но и других составляющих внутреннего спроса. Государственные инвестиции активизировались благодаря увеличению объемов освоения структурных и инвестиционных фондов ЕС, в 2017 г. за счет этих фондов была профинансирована примерно половина государственных инвестиций в Румынии и Венгрии и около одной трети в других странах. Частные инвестиции в ряде стран также начали восстанавливаться, хотя и значительно более скромными темпами. В Венгрии, например, общая инвестиционная активность повысилась как в результате реализации проектов, получающих финансовую поддержку из бюджета ЕС, так и вследствие капиталовложений в модернизацию мощностей в обрабатывающей промышленности, в частности в производстве автомобилей и IT-оборудования. Тем не менее норма инвестиций во всех странах ЦВЕ остается значительно более низкой, чем была до мирового кризиса, и в большинстве из них намного уступает среднемировому уровню (рис. 3).

Благодаря сохраняющейся конкурентоспособности производимой в странах ЦВЕ продукции, пока еще относительно благоприятным условиям на рынке труда и географической близости к Западной Европе чистый приток ПИИ в регион остается положительным, однако его объем значительно сократился по сравнению с докризисным периодом. В результате доля стран ЦВЕ снижается как в мировом притоке ПИИ, так и в их мировом накопленном объеме (рис. 4).

Рост экспорта после 2013 г. ускорился, в основном благодаря некоторому оживлению экономики и спроса в Западной Европе, являющейся основным экспортным рынком для стран ЦВЕ. Компании некоторых стран (например, польские) стали более активно экспортировать продукцию также за

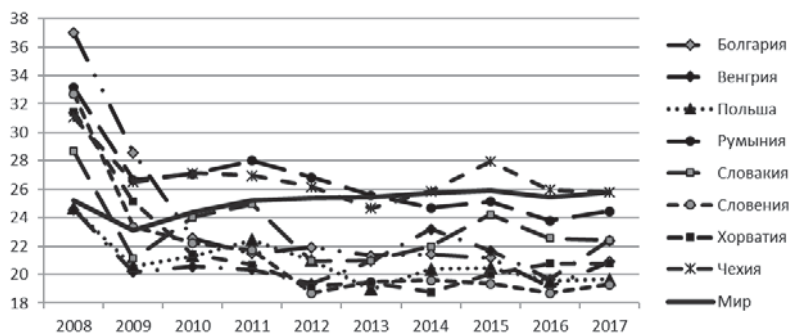

Рис. 3. Объем инвестиций в 2008–2017 гг., % к ВВП

Источник: IMF. World Economic Outlook Database. October 2018. www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx.

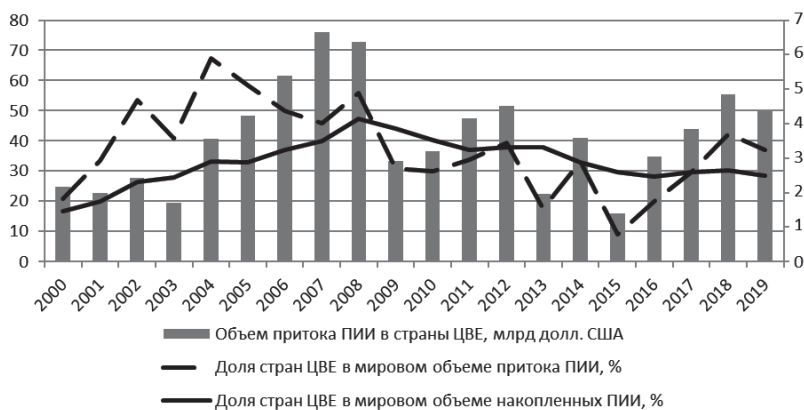

Рис. 4. Прямые иностранные инвестиции в 2000–2019 гг.

Источник: UNCTADstat. unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx.

пределы Евросоюза. Тем не менее экспорт растет в два раза медленнее, чем до мирового финансового кризиса (табл. 3), и из-за быстрого роста импорта вклад чистого экспорта в рост ВВП значительно уменьшился.

Возобновлению экономического роста в странах ЦВЕ способствовала комфортная макроэкономическая среда. Мягкая денежно-кредитная политика Европейского центрального банка создавала благоприятные внешние финансовые усло-

Таблица 3. Темпы прироста объема экспорта товаров стран ЦВЕ в долл. США, %

Страны и мир	2004–2007, в среднем в год	2018–2019, в среднем в год
Болгария	25,6	1,8
Венгрия	13,5	5,2
Польша	10,1	5,9
Румыния	8,6	5,4
Словакия	19,7	3,5
Словения	13,9	5,3
Хорватия	10,0	4,2
Чехия	22,4	2,8
Для сравнения		
Мир	9,0	2,9

Источник: IMF. World Economic Outlook Database. www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx.

вия. Центральные банки стран, не входящих в еврозону и применяющих режим таргетирования инфляции, также проводили денежно-кредитную политику, поддерживающую экономический рост. Ключевую процентную ставку начали повышать только Чешский национальный банк (в 2017 г.) и Национальный банк Румынии (в 2018 г.).

Налогово-бюджетная политика стран ЦВЕ также содействовала началу экономического подъема, в большинстве случаев стимулируя рост экономики в рамках бюджетных дефицитов, допускаемых Маастрихтскими критериями финансовой стабильности (табл. 4). Некоторые страны снижали ставки налогов. В Венгрии, например, корпоративный налог в 2017 г. был сокращен до 9% – самого низкого уровня в Европе. Эта мера принесла пользу в основном венгерским и иностранным компаниям среднего размера. Эффективные налоговые ставки для крупных иностранных транснациональных корпораций, в частности для немецких автопроизводителей, были значительно сокращены еще раньше посредством предоставления государственных субсидий и налоговых льгот⁸⁹.

89. COFACE. CEE TOP 500 Ranking. September 2018. www.coface.com/fr/Actualites-Publications/Publications/Coface-CEE-TOP-500-Companies-2018-Edition.

Таблица 4. Сальдо государственного бюджета стран ЦВЕ, % к ВВП

Страны	2009–2013, в среднем в год	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Болгария	–2,0	–5,4	–1,7	0,2	1,1	2,0	2,1
Венгрия	–3,9	–2,6	–1,9	–1,6	–2,2	–2,1	–2,0
Польша	–5,4	–3,7	–2,7	–2,2	–1,4	–0,2	–0,7
Румыния	–5,5	–1,3	–0,7	–2,9	–2,9	–2,9	–4,3
Словакия	–5,3	–2,7	–2,6	–2,2	–0,8	–1,0	–1,3
Словения	–7,4	–5,5	–2,8	–1,9	0,1	0,7	0,5
Хорватия	–6,2	–5,1	–3,4	–0,9	0,9	0,2	0,4
Чехия	–3,5	–2,1	–0,6	0,7	1,5	0,9	0,3
Для сравнения							
ЕС-28	–5,0	–2,9	–2,3	–1,7	–1,0	–0,7	–0,8

Источник: Eurostat. ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tec00127.

В одном из исследований, проведенных в рамках изучения модели зависимого рыночного капитализма, нами была сделана попытка оценить экономический эффект ее использования в странах ЦВЕ. В этой связи было сделано допущение, что членство в ЕС подразумевает развитие конкретной страны по рассматриваемой модели. В качестве детерминант, влияющих на динамику реального ВВП, были рассмотрены показатели импорта и экспорта, ежегодного притока и накопленных ПИИ, инфляции, уровня занятости.

Проверяемая гипотеза состояла в следующем: со вступлением стран ЦВЕ в Европейский союз (формированием модели зависимого рыночного капитализма) детерминанты, влияющие на экономический рост, усилили свое воздействие на реальный ВВП. Экономический эффект модели зависимого рыночного капитализма обозначался через фиктивные переменные (в данном случае EUM_{it}), равные 0, когда страны ЦВЕ еще не вступили в ЕС, и 1, когда страны ЦВЕ вступили в ЕС.

Используемые индексы обозначали членство страны i в году t . Поставленная гипотеза проверялась при помощи модели, которую можно записать в обобщенном виде следующим образом:

$$y_{it} = \alpha + \beta * X_{it} + \gamma * X_{it} * EUM_{it} + \varepsilon_{it}$$

где y_{it} – объясняемая переменная, обозначающая реальный ВВП в постоянных ценах 2010 г. страны i за год t ; X_{it} – матрица факторов; EUM_{it} – фиктивные переменные, обозначающие наличие членства в ЕС.

В табл. 5 сведены результаты, полученные из моделей фиксированных и случайных эффектов, а также модели линейной регрессии (Pooled OLS модели).

Таблица 5. Результаты эконометрических моделей

Зависимая переменная: реальный ВВП в постоянных ценах 2010 г.	(1) Pooled-Model	(2) Fixed-Effects Model	(3) Random-Effects Model
EXP – экспорт	-3,055*** (0,402)	1,589** (0,545)	-0,895* (0,508)
IMP – импорт	4,385*** (0,488)	-0,580** (0,575)	2,076*** (0,552)
FDIflow – приток ПИИ	2,091* (1,057)	1,782*** (0,819)	2,283* (0,919)
FDIstock – накопленные ПИИ	0,890*** (0,228)	0,0912** (0,252)	0,751*** (0,248)
EmpRate – уровень занятости	-6,192*** (437,8)	5,883** (798,1)	-6,309** (674,3)
IR – инфляция	-0,0251* (1,312)	-0,450* (0,447)	-0,424* (0,526)
EUM	2,9115** (9116,8)	3,605*** 19028,3	12,4478** 12645,4
_cons	6125,3*** (20804,2)	22647,2*** (36668,3)	26737,7* (32035,6)
N- Number of observations	240	240	240
R-sq	0,903	0,898	
adj. R-sq	0,900	0,876	
rmse	40681,5	29268,4	33687,3
Standard errors in parentheses			
* p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001			

Источник: рассчитано в статистическом пакете Stata 11.

Коэффициент детерминации (R²), полученный из модели с фиксированными эффектами, составил 0,898, что свидетельствует о значимости полученных коэффициентов. На

экономический рост стран Центрально-Восточной Европы за исследуемый период 2005–2019 гг. негативное влияние оказывали такие факторы, как импорт и уровень инфляции. Так, по результатам, полученным из модели с фиксированными эффектами, следует, что при изменении коэффициента импорта на 1 единицу реальный ВВП государств ЦВЕ сокращается на 0,58 млн долл. США. Схожая ситуация происходит и при изменении показателя инфляции на 1 единицу – ВВП в этом случае сокращается на 0,45 млн долл. США.

Положительный эффект на экономическое развитие рассматриваемых государств оказывают такие переменные, как экспорт, прямые иностранные инвестиции и уровень занятости. Так, при увеличении экспорта реальный ВВП стран ЦВЕ растет на 1,59 млн долл. США, а в случае расширения объема накопленных ПИИ реальный ВВП стран ЦВЕ увеличивается на 0,09 млн долл. США. Наибольшее положительное влияние на экономический рост государств ЦВЕ оказывали приток ПИИ и уровень занятости в экономиках рассматриваемых стран. Так, с ростом притока ПИИ реальный ВВП увеличивается на 1,8 млн долл. США, а при повышении уровня занятости – на 5,8 млн долл. США. Полученные коэффициенты фиктивных переменных подтверждают гипотезу о том, что результаты членства стран региона в ЕС следует считать неоднозначными.

Риски для экономического роста и приоритеты экономической политики в условиях новой реальности. Возможные альтернативы зависимому капитализму

При оценке экономических перспектив стран ЦВЕ приходится исходить из того, что исключительно благоприятные докризисные внешние условия развития вряд ли вернуться в обозримой перспективе. Это следует из более скромных, чем прежде, международных потоков капитала, ослабления динамики международной торговли, произошедших и продолжающихся структурных сдвигов в мировой экономике, мировых

тенденций в области технологий, изменений в международной специализации стран, нарастающего протекционизма в международной торговле, который грозит разрушением сложившихся глобальных производственно-сбытовых цепочек и крайне опасен для экспортоориентированной и глубоко интегрированной в такие цепочки экономики региона. Такие тенденции говорят о больших рисках сохранения в странах ЦВЕ модели развития, в основе которой в течение многих лет лежали активное привлечение иностранного капитала во всех формах и ориентация на высокий внешний спрос.

Вместе с тем, сформировавшаяся в последние годы в странах ЦВЕ новая модель экономического роста не обеспечивает достижения темпов роста мировой экономики, и тем более вызывает сомнение ее способность поддерживать устойчивый рост в будущем. Уровень загрузки производственных мощностей во многих странах достиг исторических максимумов, текущее предложение на рынках труда находится ниже средних исторических показателей, разрыв между потенциальным и фактическим объемом производства почти закрыт, то есть экономика практически уже работает на полную мощность. Долгосрочный потенциал роста (максимально приемлемый рост производства без перегрева экономики) оценивается в большинстве стран ЦВЕ значительно ниже, чем до мирового финансового кризиса. Основными причинами этого являются слабый рост факторной производительности, низкие нормы инвестиций и сокращение трудовых ресурсов.

Рынок труда в регионе становится все более напряженным. Вследствие стремительного падения предложения рабочей силы во многих странах начинает остро ощущаться нехватка рабочей силы, особенно квалифицированной, и это превращается в серьезное препятствие для расширения бизнеса и роста экономики. Резервов для изменения ситуации к лучшему остается все меньше. Уровень занятости населения почти во всех странах ЦВЕ уже сравнялся со средним по ЕС (рис. 5), а Чехия почти догнала европейских лидеров — Германию и Швецию. В дальнейшем предложение на рынках

труда может еще снизиться из-за быстрого старения населения и миграционного оттока, возросшего после вступления стран в ЕС и шенгенскую зону.

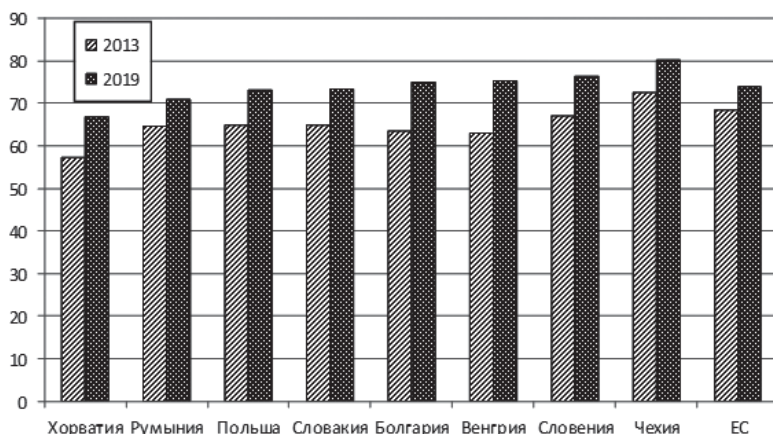

Рис. 5. Уровень занятости населения в возрасте 20–64 лет в 2013 и 2019 г., %

Источник: Eurostat. ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&rcode=t2020_10&plugin=1.

Вынужденное в условиях дефицита рабочей силы повышение компаниями заработной платы, почти вдвое опережающее в последние годы рост производительности труда, ведет к снижению рентабельности. Пока еще ее уровень в экономике стран ЦВЕ примерно на 10 п.п. выше, чем в развитых странах Европы⁹⁰, и у компаний остается возможность выдерживать рост удельных затрат на рабочую силу. Однако продолжение быстрого роста заработной платы неизбежно начнет угрожать конкурентоспособности экономики, подрывать ее экспортные возможности и привлекательность для иностранных инвестиций, сохраняющих критическую важность для экономического развития стран ЦВЕ.

90. IMF. World Economic Outlook Database, October 2018. www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx.

Денежно-кредитная и фискальная политика, также как и повышение доходов населения, не смогут вечно поддерживать экономический рост, не связанный, в отличие от докризисного периода, с ростом производительности факторов производства или радикальными структурными изменениями в экономике.

С учетом всех этих обстоятельств экономические перспективы Центрально-Восточной Европы расцениваются аналитиками как мало обнадеживающие. Рассчитывать на поддержку экономического роста со стороны внешнего спроса не приходится, в основных странах-партнерах ожидается очередной циклический спад в экономике, многократно усиленный пандемией COVID-19. Переломить тенденцию ухудшения экономической динамики могут помочь только меры, направленные на повышение долгосрочного потенциала роста за счет более эффективного использования внутренних возможностей. Это должно выдвинуть на первый план экономической политики новые приоритеты:

- корректировку денежно-кредитной политики с учетом более низких долгосрочных уровней притока иностранного капитала;
- поддержку отечественных производителей;
- переориентацию финансовых учреждений на обслуживание стартапов в новых сферах;
- инвестирование в цифровую инфраструктуру;
- развитие науки;
- развитие человеческого потенциала посредством повышения качества образования и здравоохранения;
- адаптацию учебных программ в системах образования и профессионального обучения к потребностям в кадрах новых инновационных фирм;
- организацию эффективного повышения квалификации безработных;
- стимулирование к трудовой деятельности еще остающихся резервов трудоспособного населения (в частности, женщин и лиц пенсионного возраста);

- нацеливание социальной политики на устранение неравенства возможностей путем более равномерного распределения дохода и расширения доступа малоимущего населения к хорошему образованию⁹¹.

Важной задачей для стран ЦВЕ остается также возвращение внешней торговле прежней роли двигателя экономического роста. Решение этой задачи кроется в перемещении ресурсов из слабо вовлеченных во внешнеторговые операции секторов в конкурентоспособные на международном уровне производства, в модификации внешнеторговой политики с учетом меняющегося международного разделение труда, в переходе от форсирования экспорта товаров к наращиванию экспорта услуг (доля которых в мировом потреблении увеличивается), в диверсификации внешнеэкономических связей с целью снижения зависимости от находящегося в состоянии застоя западноевропейского рынка и извлечения большей выгоды из рынков быстроразвивающихся стран, прежде всего азиатских.

Среди многоплановых усилий по созданию прочных основ для экономического роста привлекают внимание элементы так называемого экономического национализма, которые проявились в политике ряда стран ЦВЕ. Предпосылки формирования феномена экономического национализма в странах ЦВЕ стали складываться еще на старте трансформационных реформ, инициированных, по свидетельству всемирно известного венгерского экономиста Яноша Корнаи, одного из наиболее ярких в 1980-е годы критиков плановой системы хозяйствования, «базирующимся в Вашингтоне международными финансовыми организациями, и постепенно продолженными Европейским союзом... Многие изменения были навязаны этим странам с помощью внешнего давления или, по меньшей мере, это давление ускорило реализацию изменений»⁹².

91. Центрально-Восточная Европа в поисках новых источников развития / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2018.

92. Корнаи Я. Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: успехи и разочарования // Мир перемер. 2006. № 2. С. 7–45.

Довольно скоро стало очевидно, что национальные экономики в значительной степени регулируются институтами глобального управления – поборниками максимальной либерализации экономических взаимодействий, а также наднациональными органами ЕС и иерархиями ТНК⁹³. Национальные границы полностью открыты для потоков капитала, товаров, услуг и рабочей силы, при этом государства под действием норм европейского права вынуждены исключить из своих практик механизмы, которые в прошлом использовались для борьбы с возможными негативными последствиями открытых границ. При этом государства, будучи демократическими, вынуждены отвечать на чаяния населения, значительная часть которого оказалась разочарованной результатами трансформационных реформ и членства в ЕС. Таким образом, в странах ЦВЕ с очевидностью проявился так называемый парадокс неолиберальной демократии. Речь идет о ситуации, в которой оказывается руководство всякого демократического государства, когда оно должно отвечать требованиям граждан, обладая при этом все меньшим контролем над национальной экономикой⁹⁴.

Естественным ответом на сложившуюся ситуацию стал поиск долгое время абсолютно «послушными» воле Евросоюза странами – новыми членами инструментов восстановления хотя бы минимального контроля над национальными рынками. Для национальных элит политика экономического национализма становилась инструментом балансирования между, с одной стороны, игрой по международным правилам при почти полной (для некоторых стран) утрате контроля над экономикой, а с другой – проведением государственных интервенций теми методами, которые позволяют защищать национальное производство, особые черты и традиции мест-

93. Глинкина С.П. Постсоциалистические трансформации в свете дискуссий о многообразии моделей капитализма // *Общественные науки и современность*. 2017. № 2. С. 5–20.

94. *Crouch C. Economic patriotism and the paradox of neo-liberal democracy. Paper presented at the first Economic Patriotism workshop, Warwick University, 13–14 February, 2008.*

ных сообществ⁹⁵. Такая политика стала попыткой изменить сложившуюся в странах ЦВЕ модель развития в условиях серьезно сократившихся прежних источников экономического роста, застопорившегося процесса конвергенции в рамках ЕС, серьезного институционального кризиса в Евросоюзе, сокращения поступлений из структурных фондов ЕС, а также таких требующих решения социальных проблем, таких как рост дифференциации доходов и депопуляция.

Такой разворот событий стал неожиданностью для международных организаций и транснационального капитала, поскольку казалось, что им удалось убедить страны ЦВЕ в том, что полное членство в ЕС, а также встраивание ряда отраслей их экономики в международные цепи поставок – огромный успех трансформационных реформ, гарантия решения всех проблем развития. Серьезные конфликты между пытающимися осуществлять политику государственного интервенционализма странами и поборниками господствовавших долгие годы в мировой экономике методов либерального управления оказались неизбежными. Политику экономического национализма в либеральных средствах массовой информации, да и многих научных работах либерального толка, сразу же окрестили безответственным популизмом, провозгласили и недопустимой, и неэффективной, хотя с очевидностью ее инструменты (создание институтов, поддерживающих национальных товаропроизводителей, содействие становлению национальных «чемпионов бизнеса» и т.д.) широко использовались всеми развитыми государствами Европы после Второй мировой войны и активно применяются сегодня быстро развивающимися государствами Юго-Восточной Азии, Китаем.

Наиболее ярким примером развития «экономического патриотизма» в ЦВЕ служит Венгрия – в прошлом лидер региона по привлечению ПИИ. Руководство страны разработало и уже несколько лет реализует новую экономическую

95. Goff P.M. Limits to Liberalization: Local Culture in a Global Marketplace. Cornell studies in political economy. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2007.

политику, направленную на поддержку отечественных товаропроизводителей, ограничение роли иностранного капитала в ряде отраслей экономики и увеличение финансового бремени для филиалов ТНК. Правительство исходит из того, что национальная независимость в мирное время базируется на независимости в области энергетики, финансов и торговли. Новая экономическая политика в Венгрии оказалась довольно эффективной посткризисной программой. Венгерскому государству удалось восстановить определенный контроль над внутренним рынком, усилить свое влияние в финансовом секторе и ряде социально значимых отраслей экономики. При этом государственный интервенционализм не оказал фиксируемого статистикой отрицательного влияния на такие макроэкономические показатели, как рост ВВП, внутренних инвестиций, экспорта, а также занятости и заработной платы. Почти по всем перечисленным показателям Венгрии удалось достичь докризисных отметок или превзойти их.

Таким образом, анализ показал, что ни в одной из стран ЦВЕ не созданы базовые модели капитализма, характерные для развитых рыночных экономик — либеральный рыночный или координируемый рыночный капитализм. Развитие стран ЦВЕ по модели зависимой рыночной экономики дало неоднозначные результаты. В период мирового экономического бума обильный приток ПИИ и иностранные кредиты способствовали ускорению роста, повышению эффективности и экспортной направленности экономики за счет секторов с большой долей иностранного капитала. Вместе с тем, в экономике возникли крупные внешние и внутренние дисбалансы, национальный сектор пришел в упадок, экспорт рос в основном за счет внутрифирменного обмена в рамках цепей поставок ТНК, торговля почти полностью замкнулась на рынок ЕС. Все это сделало экономику крайне неустойчивой к негативным внешним воздействиям, что было со всей очевидностью продемонстрировано мировым финансовым кризисом и кризисом суверенных долгов в еврозоне, которые ввергли страны ЦВЕ в экономическую рецессию с последовавшей затяжной стагнацией.

Экономический рост, возобновившийся в странах ЦВЕ в последние годы благодаря увеличению потребления домохозяйств, к которому привели повышение занятости и внушительный рост заработной платы, не может считаться устойчивым, поскольку резервы рабочей силы в большинстве этих стран почти исчерпаны, а повышение оплаты труда без соответствующего роста его производительности ведет к снижению конкурентоспособности экономики.

Руководство стран ЦВЕ сталкивается с парадоксом неолиберальной демократии – необходимостью отвечать на социальные требования граждан, обладая при этом все меньшим контролем над национальной экономикой.

В складывающихся условиях возрастает значение усиления национальной экономической политики. В частности, в условиях небольших по размеру стран, как показывает венгерский опыт, весьма эффективно может быть и умелое использование инструментов политики экономического национализма. Реализации такой политики в современных условиях противодействует множество объективных и субъективных факторов. Среди них – крайне отрицательное на сегодняшний день отношение к экономическому национализму ведущих международных организаций, и в частности институтов ЕС; ограниченность материальных (прежде всего финансовых) ресурсов у руководства стран с формирующимися рынками и необходимость принятия для мобилизации этих ресурсов непопулярных мер, а также шагов, затрагивающих интересы крупных игроков рынка; сложность проведения в условиях усиления субъективных факторов в управлении экономическими процессами взвешенной политики по противодействию разрастания неформальных институтов, в частности коррупции. Однако трудности на пути политики экономического национализма не означают ее невозможность. Без достижения же странами ЦВЕ большей независимости в проведении экономической политики конвергенция между ними и Западной Европой может растянуться на многие десятилетия либо не состояться вовсе.